

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.053

УДК 122/129

П. Н. Базанов*

ПАТРИОТИЗМ И ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА САМОСОЗНАНИЯ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ «ВОЛН» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

На обширном фактическом материале доказывается подлинный патриотизм русских эмигрантов. Любовь к России и тоска по Родине соотечественников давно стали нарицательными. Прослеживается связь между русским патриотизмом и культурными достижениями соотечественников за рубежом. Показана взаимосвязь между патриотизмом и любовью к Родине. В статье анализируется особое самосознание русских эмигрантов. Показано влияние самосознания русских эмигрантов на патриотизм и любовь к России. Доказывается искренность патриотического чувства русских эмигрантов. Особое внимание в статье делается взглядам историка Н. И. Ульянова и его концепции взаимосвязи русской культуры и патриотизма. Так же упоминается позиция эмиграции к вопросу единства русского народа, концепции Малороссии и отрицании украинства. Дается классификация современного патриотизма в России.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, русская эмиграция, патриотизм, любовь к Родине.

Bazanov P. N.

*PATRIOTISM AND LOVE FOR THE MOTHERLAND AS A DISTINCTIVE FEATURE
OF THE SELF-CONSCIOUSNESS OF THE FIRST AND SECOND «WAVES»
OF RUSSIAN EMIGRATION*

On the basis of extensive factual material, the true patriotism of Russian emigrants is proved. Love for Russia and longing for the homeland of compatriots have long become household names. There is a connection between Russian patriotism and the cultural achievements of compatriots abroad. The relationship between patriotism and love for the Motherland is shown. The article analyzes the special self-consciousness of Russian emigrants. The influence of self-consciousness of Russian emigrants on patriotism and love for Russia is

---

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; Русская христианская гуманитарная академия; bazanovpn@list.ru

shown. The sincerity of the patriotic feeling of Russian emigrants is proved. Particular attention is paid to the views of the historian N. I. Ulyanov and his concept of the relationship between Russian culture and patriotism. Also mentioned is the position of emigration to the issue of the unity of the Russian people, the concept of Little Russia and the denial of Ukrainianism. The classification of modern patriotism in Russia is given.

Keywords: Russian Abroad, russian emigration, patriotism, love for the motherland.

Русская эмиграция XX века невиданный феномен мировой культуры. Главной особенностью русского исхода от других эмиграций был тот фактор, что подавляющее большинство соотечественников, покинувших Россию не хотели из нее выезжать. Под эмиграцией во всем мире понимают добровольное или насильственное переселение за границу и подразумевается, прежде всего, переезжают на постоянное жительство. Русские эмигранты более всего в жизни хотели вернуться на любимую Родину и «жили на чемоданах», по образному выражению, рассматривая свое пребывание за рубежом как временное и каждый Новый год поднимая бокал и произнося тост — за следующее празднование уже в России.

Политическое беженство более точный термин, чем эмиграция в отношении большинства представителей Русского Зарубежья. В основном жители России не хотели уезжать из Родины. Даже те, кто намеренно стремился с большевистской территории попасть за границу, рассматривали свой отъезд, как временный и очень недолговечный. Причиной для изгнания были не основания экономические, бытовые, религиозные или культурные причины, а исключительно политические. В противоположность данной тенденции И. А. Бунин в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции», подчеркивал политическую принципиальность эмиграции, отрицая сам термин беженство. Классик русской литературы, подчеркивал, что эмигранты не хотят возвращаться в Советскую Россию, пока у власти кровавые красные. Эмигранты не желают идти на компромисс с людоедской, богоборческой властью. И. А. Бунин выразил общее мнение, что сам факт пребывания в эмиграции — это активная оппозиция коммунистическому эксперименту. Великий писатель говорил:

«Мы эмигранты, — слово “emigre” к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину» [1, с. 5].

Один из первых историков русской эмиграции П. Е. Ковалевский предельно точно заметил: «В мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с Русским Зарубежьем» [6, с. 13]. Тоже писал и первый историк русской зарубежной литературы профессор Г. П. Струве: «Сама эта эмиграция есть явление огромное, в мировой истории беспрецедентное» [9, с. 22]. Уникальность

русской эмиграции, отмеченное многими исследователями, принципиальное нежелание ассимилироваться за границей [7, с. 14], постоянная мечта вернуться на Родину.

Общественно-политический деятель, писатель и журналист Р. Б. Гуль в своих известных мемуарах: «Я унес Россию» объяснял такое необычное название воспоминаний лозунгом жизни, не только своей, но и всей эмиграции: «Какой-то большой якобинец (кажется, Дантон), будучи у власти, сказал о французских эмигрантах: “Родину нельзя унести на подошвах сапог”. Это было сказано верно. Но только о тех, у кого кроме подошв ничего нет. Многие французские эмигранты — Шатобриан, герцог Энгийенский, Ришелье и другие, у кого была память сердца и души, сумели унести Францию. И я унес Россию. Так же, как и многие мои соотечественники, у кого Россия жила в памяти души и сердца. Отсюда и название этих моих предсмертных воспоминаний — “Я унес Россию”» [2, с. 27].

Любовью к Родине можно объяснить их знаменитую ностальгию по России, которая стала своеобразной визитной карточкой нашей эмиграции.

Уже знаменитый русский философ И. А. Ильин считал, что у русского народа патриотизм и любовь к Родине неразрывны:

«Патриотизм есть чувство любви к родине, и потому он, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходит корнями в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта и страстей, куда далеко не всякий любопытный глаз имеет доступ. <...> Патриотизм, как состояние радостной любви и вдохновенного творчества, есть состояние духовное, и потому он может возникнуть только в порядке автономии (свободы) — в личном, но подлинном и предметном духовном опыте» [3, с. 181–182].

Нужно также согласиться с точкой зрения историка Н. О. Щупленкова выжившего три основные направления зарубежного патриотизма:

«Идеи патриотизма в эмигрантской среде носили разновекторную направленность. Часть российской диаспоры акцент в организации патриотической деятельности делала на политическом аспекте. Создание общественно-политических организаций преследовало цель борьбы с большевизмом, возвращение на родину, строительство новой России. Другая часть российских мигрантов склонялась к поддержке “романтического патриотизма”. Данная позиция выражалась в сохранении своего языка, культуры, норм поведения, при этом категорически отвергая участие в политической деятельности. И, наконец, сторонники мессинского патриотизма упор делали на пропаганду особой роли России и русского народа в сохранении христианских заповедей, выработке особой “русской идеи” для сплочения русского мира» [13, с. 13].

Быстро убедившись, что скоро вернуться на Родину не удастся, русские эмигранты стали рассматривать свою жизнь и деятельность, как миссию (отсюда название знаменитой бунинской речи «Миссия русской эмиграции» 1924), отсюда же и крылатые слова «Мы не в изгнании, а в послании». Миссия виделась как сохранение классической культуры Золотого века и модернистской Серебряного в Русском Зарубежье, как свободного от большевистского социально-культурного, интернационального эксперимента. С другой стороны,

русские эмигранты продолжали развитие свободной русской культуры, которая, по их мнению, не могла развиваться в СССР, находившемся под контролем коммунистической идеократии, марксистско-ленинской идеологии. Все свои культурные, научные и идеологические размышления деятели эмиграции посвящали Родине будущей свободной России.

Русские эмигранты были уверены, что их достижения в различных сферах будут использованы в России, когда не станет советской власти.

Желание вернуться на горячо любимую Родину приводило эмигрантов к роковому шагу — переселиться в СССР. Только ничем не сравнимой любовью к отчизне и патриотизмом можно объяснить такие явления, как сменовеховство, возвращенчество, советофильство, совпатриотизм и т. д.

Реэмигрантов при Сталине ждали концлагеря, тюрьмы и расстрелы; при Хрущеве и Брежневе в лучшем случае жизнь под постоянным присмотром КГБ. Как правильно писал знаменитый историк Н. И. Ульянов:

«Эмигрантский карась клюет на приманку советской сирены: “Россия, национальность, народ...”. Если устройство Дня Непримируемости имеет смысл, то прежде всего, чтобы осудить такого карася за поведение». Непримируемость обосновывается политическими, религиозно-философскими, морально — этическими предпосылками. Прошли времена, когда непримируемость объяснялась потерей имений, денег, положения. Утихла шумиха по поводу государственного устройства будущей России. Теперь смысл существования эмиграции только один — **быть Россией за пределами России** [Цит. по: 8, 3]».

Антисоветизм русской эмиграции в политической области легко объясняется сомнениями в правильности коммунистического строя, его антинациональным и антинародным, по их мнению, характером советского режима. Русские эмигранты доказывали, что для большевиков Россия является «дойной коровой» интернационального коммунистического движения, а наша страна плацдарм для осуществления мировой революции. Многие общественные и экономические проекты коммунистов катастрофически проваливались. Декларировавшие научный плановый подход к экономике и промышленности большевики чаще всего принимали не реалистические, а идеологические решения. Волонтаризм как стиль правления был присущ не только Н. С. Хрущеву, а всему периоду советской власти. Более всего наших эмигрантов раздражал казенный патриотизм в СССР — не искренний и бюрократический. И. А. Ильин: «Так называемый — казенный, внешне принудительный, официальный патриотизм далеко не всегда пробуждает и воспитывает в душе чувство родины, нередко даже повреждает его. А между тем опытный и тактичный воспитатель может действительно пробудить в ребенке настоящий патриотизм» [3, с. 181–182]. Представители зарубежья считали, что в СССР своеобразный социалистический шовинизм («советское — значит всегда отличное»). Многочисленные неудачи коммунистического движения и социалистического строительства покрывались декларацией исторических успехов русского народа, достижениями отечественной культуры и науки. Если в 1920-е любые успехи русского мира огульно отрицались, в конце 1940-х в СССР стали бороться «за приоритеты», с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом»,

т. е. сначала уничтожали минимальный русский патриотизм, потом отрицали всемирную роль отечественной культуры.

Историк русской эмиграции, узкий специалист в изучении патриотизма Н. О. Шупленков совершенно справедливо писал: «Патриотизм российских эмигрантов “первой волны”, прежде всего, основывался на эмоционально-чувственном восприятии близкого русскому менталитету понятия «любовь к родине». Категория «родина» приобретала в сознании подданных Российской империи в изгнании идеалистическое восприятие территории, культуры, природы, этнической принадлежности. Разница между дефинициями «родина» в эмигрантской среде была, скорее, количественная, чем качественная. Адаптивные возможности российской диаспоры заключались в возможности реализации образа родины в повседневный быт, образ жизни» [13, с. 13].

Патриотизм русской эмиграции был неотделим от патриотизма метрополии, несмотря на давление коллективного Запада на зарубежных соотечественников. Историк Н. И. Ульянов совершенно справедливо заметил:

«Русской эмиграции отказывают в элементарном сочувствии. Она — парня среди прочих эмиграций. Ей дорого обошлась иллюзия о помощи Запада, который никогда не стремился к уничтожению большевицкого строя в России. Наоборот, когда грозная опасность нависала над большевицким строем, с Запада неизменно протягивалась спасительная рука. Ярость Запада, вызванная после военной внешней политикой советского правительства, перенесена была на русский народ, на историческую Россию. Вспомнили все антирусские памфлеты столетней давности. использовали даже расовые теории гитлеровца Розенберга. Появились статьи вроде “Чингиз-хан с атомной бомбой”. Большевиков считали учениками царской политики, а коммунистическую агрессию объясняли “извечным русский империализмом”» [Цит. по: 8, с. 13].

Другим направлением деятельности эмиграции из России было сохранить родной язык и русскую культуру для второго, третьего и даже четвертого поколения. Нашим соотечественникам удалось совершить абсолютное чудо. Их потомки до сих пор любят Россию и считают ее своей Родиной. Борьба за знание русского языка не всегда приводила к успехам, но даже современное поколение потомков первой и второй «волн» сохранили православие и будучи франкоязычными, испаноязычными (в странах Латинской Америки) считают себя русскими.

Борьба за территориальную целостность Родины у русской эмиграции было не только данью лозунга Белого движения — «За Великую, Единую и Неделимую Россию». В большинстве политических, общественных, философских и идеологических доктринах обращалось особое внимание на сохранение целостности страны и не допустимость развала и расчленения России.

Рассматривались унитарные, автономистские, федералистские и в меньшей степени конфедералистские планы по устройству нашей страны. Русские патриоты в эмиграции крайне отрицательно относились к любым планам отделения от России каких-либо территорий в виде отдельных государств или присоединения русских земель к другим странам.

Но даже те политические силы русской эмиграции, которые хотели за иностранную поддержку или интервенцию передать части российской территории,

оправдывались тем, что свободная от большевиков Россия все равно вернет к себе эти временно отпавшие территории.

Часто про русских эмигрантов пишут, что, оказавшись в изгнании, их мало интересовали политические вопросы, они сосредоточились на выживании в непростых материальных условиях. На самом деле даже простые эмигранты-обыватели были очень политизированы. Свою жизнь за рубежом русские эмигранты рассматривали как величайшее несчастье, ибо они существовали за пределами своей любимой Родины. А виноваты в этом большевики. И более всего ни в низком уровне жизни, утраченном имуществе, ни в не сложившейся семейной жизни (большинство военных в изгнании так и не смогли жениться, ибо их реальные или потенциальные невесты остались в России), а в том, что они не живут и не служат самой прекрасной стране на свете, своей любимой Родине — Святой Руси — Великой России!!!

Историк и общественный деятель Г. Н. Раковский писал:

«Докладчик (Н. И. Ульянов — П.Б.) подробно развивает эту свою мысль. Денационализированный эмигрант уже не вызывает опасений у большевиков. Больше всего их беспокоил и беспокоит факт существования России за рубежом. Сколько бы ни смеялась советская власть над жалким положением русской эмиграцией, она тратит огромные средства на ее уничтожение. В народном сознании эмиграция играет революционную роль. Эмиграция внушает большевикам мистический страх. А вдруг ставка на мировую революцию будет бита... Ведь тогда презираемая заграничная Россия станет фактором огромного значения. Задача эмиграции — уцелеть и сохранить себя до наступления долгожданного дня... Но нужно не только сохранить себя, но и оказаться достойный своей миссии. Не велика заслуга пустить в Россию самодовольных обывателей, гордых тем, что они не на йоту не изменились» [8, с. 3].

После революции 1917 г. русская культура разделилась на две ветви. В результате победы большевиков в Гражданской войне в СССР стала главенствовать коммунистическая идеократия и развитие «независимой» отечественной мысли и культуры происходило или подпольно в СССР, или в эмиграции. Русская эмиграция стала, образно, выражаясь полигоном «свободной мысли», а книги и периодика — это материализация мысли. В XX в. русские люди оказались за рубежом без средств существования, потеряли все, включая и любимую Родину, но при этом представители первой «волны» были искренними патриотами. Поэтому основное настроение — ностальгия, а основная тема — воспоминания о Родине — РОССИИ, «как было хорошо в России до большевиков». Ностальгия способствовала массовому творчеству, особенно, автобиографическим романам и мемуарам. На долю этого поколения пришлось очень бурная жизнь начала XX в. — русско-японская война, «столыпинские реформы», Первая мировая и Гражданская войны, эмиграция и т. д. В такую очень беспокойную эпоху, биография каждого человека, даже самого «простого» была как увлекательный роман. Учитывая высокий уровень образования «первой» волны, все вышеперечисленное способствовало развитию литературной, публицистической и издательской деятельности.

Русская эмиграция отстаивала концепцию в единства русского народа, планомерно отрицали общественно-политическое движение украинства,

как отдельной нации. Популярной была теория триединства русского народа и Малороссии, как составной части России. Труды эмигрантов входят в элиту российской интеллектуальной критики украинского сепаратизма, выделим работы В. В. Шульгина, Н. О. Лосского, А. М. Волконского, А. В. Стороженко, Н. И. Ульянова, А. Ю. Геровского, И. И. Лаппо, В. Р. Ваврика, И. Л. Солоневича, Андрея Дикого и др.

В русской традиции «патриотизм» отделяется от национализма. Особенно в Русском Зарубежье об их принципиальном отличии писал Н. А. Бердяев. Для объяснения более четкой позиции автора статьи, приведем современное понимание этого явления и его классификацию.

Современный патриотизм в Российской Федерации имеет множество типов. Патриотизм — любовь к Родине (от греческого патриос — Родина отцов). При это в русском сознании причудливо путается преданность государству (государственный патриотизм), любовь к Отечеству (исторический патриотизм) и Родине (к стране и месту рождения — к малой Родине).

Существуют патриоты дореволюционной России, для которых наша история окончилась в 1917 г. С этих пор существует новая страна СССР, не имеющая никого отношения к Российской империи, так же как Турция не имеет отношения к Византии. Даже есть кто считает, что после падения советской власти Россия не возродилась от коммунизма, а так и остается непонятной территорией — «рээфией».

Великолепно опровергал данную позицию один из самых знаменитых представителей второй русской эмиграции Н. И. Ульянов. Размышляя над многочисленными дискуссиями, он считал, опираясь на авторитет философа В. В. Розанова: «Вот уж сколько лет обсуждается вопрос: жива она или погибла. Многие давно простились с нею, полагая, что у теперешнего государства никакой преемственности, кроме территориальной, со старой Россией не существует. Не будем отрицать ни правильности, ни ошибочности такого суждения. Самые глубокомысленные наши заключения и прогнозы — не больше как гадания, необязательные для истории. Последнее слово останется за нею, и мы не знаем, какое это будет слово. При таких обстоятельствах, законно и человечно, чтобы родившиеся в России, видевшие ее воочию, связанные с нею сыновними узами, могли не ждать второго тысячелетия, но воспользоваться новой протекшей сотней лет, чтобы пережить, собравшись вместе, свою к ней близость. Если она в самом деле умерла, то как не вспомнить слов, сказанных более пятидесяти лет назад: «Счастливую великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно когда наша мать пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и будет являть одни кости — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого» (В. Розанов *Опавшие листья*)» [11, с. 5]. Известный философ Г. П. Федотов еще в 1929 г. про данную проблему написал: «Будет ли существовать Россия? Вопрос этот, несомненно, покажется нелепым для большинства русских людей... На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи: “Будет ли существовать Россия?”, я не могу ответить простым успокоительным: “Будет!” Я отвечаю: “Это зависит от нас. Буди! Буди!”» [12, с. 21].

В современном эмигрантоведении тема патриотизма чаще всего затрагивается, когда излагаются взгляды соотечественников в годы Великой Отечественной войны, их восприятие участия в Соппротивлении как продолжения борьбы за Россию. Порой данная стратегия эмигрантов воспринимается как прозрение эмигрантов. На самом деле для большинства соотечественников — «оборонцев» патриотическая позиция в годы Второй мировой войны естественное продолжение любви к Родине, которая стала отходить от политики коммунистического интернационализма. Изменение в отношении Русского Зарубежья к переменам в советской политике великолепно выразил известный социолог Русского Зарубежья, профессор Н. С. Тимашев: «Россия вновь нашла себя. У русского человека есть опять за что сражаться: и народная гордость, и хотя бы очень ограниченное, но все же реальное экономическое благополучие и, главное, надежда на лучшее будущее» [10, с. 197].

С другой стороны, для левых патриотов история нашей страны началась только 25 октября 1917 г. до этого все было очень плохо, одно сплошная классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Отрицаются любые исторические, социальные и главное культурные достижения дореволюционной России, фактически отрицается существование единого, тысячелетнего русского народа. Лучше всех данную точку зрения охарактеризовал известный политолог Ростислав Владимирович Ищенко: «При этом русские традиционалисты (даже не националисты, а всего лишь традиционалисты) не без оснований обвиняют российских левых радикалов в русофобии, поскольку последние (не все, но большинство) отказывают современной России в преемственности от Российской империи и Российского царства, ограничиваясь преемственностью только от СССР. Остальная российская история в их представлении — тысячелетие мракобесия и угнетения» [4]. Утрируя точку позицию левых можно свести к следующему постулату — все в Российской империи (Русском царстве, княжествах Руси) всегда было плохо, потом появились большевики и лично товарищ И. В. Сталин и у нас в стране появились культура, наука, армия, промышленность и т. д.

Существуют так же «либеральный патриотизм», по их мнению, до 19 августа 1991 г. Россия была дикой, тотальной пустыней и только власть демократов вернула одну шестую света к цивилизации. В этой концепции наша история окончилась 1 января 2000 г. Лучшее всего такая теория выражена в деятельности «Ельцин-центра» в Екатеринбурге. Успехи правления демократов и первого президента Российской Федерации, даже не надо комментировать, их последствия, скоро уже четверть века, во всех сферах мы не можем исправить.

Среди современных экзотических патриотизмов существует патриотизм поклонников А. А. Власова, доведших формулу конца Белого движения «Хоть с чертом, но против большевиков» до логического абсурда. Патриоты «рейхско-миссариата Московия», откровенно радуются гипотетически освобожденной от коммунистов России, в границах песенки «Любе»: «Рассея, моя ты Рассея. От Волги и до Енисея» (если б немцы хотя бы это разрешили). А. Гитлер неоднократно говорил о том, что такие слова, как «русское» и «Россия», следует запретить, заменив на «московское» и «Московия» [5, с. 14]. При этом идет наивное объяснение, заимствованное у ультраправых русских эмигрантов,

что Россия очень большая и нацисты не смогли бы всю территорию контролировать. Не менее смешно читать рассуждения, что союзники все равно бы Германию победили, СССР они бы оккупировали и нам свободу и демократию установили. Забывается, что наши англо-американский союзники все делали в своих интересах и даже при трагедии Второй мировой войны пытались у Франции несколько колоний захватить. При таком подходе к цивилизационно близкой, демократической и буржуазной Франции, что говорить об отношении к нашей стране.

Пародией на русскую эмиграцию первой и второй «волн» с ее патриотизмом и любовью к Родине, является бегство из нашей страны современных деятелей шоу-бизнеса в заранее купленную зарубежную недвижимость, живя на проценты со своих счетов в иностранных банках. Патриотизм первой и второй русской эмиграции органично вошел в современное самосознание граждан России и Дальнего и Ближнего Зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Руль. — 1924. — 3 апр., № 1013. — С. 5–6.
2. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. —Т. I: Россия в Германии. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001.
3. Ильин И. А. Пути России. — М.: Вагриус, 2007.
4. Ищенко Ростислав, Ностальгия по СССР и статистика Майдана — мнение (2023). URL: <https://rusvesna.su/news/1674924358> (дата обращения: 29.01.2023).
5. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. — М.: Молодая гвардия, 2011.
6. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). — Ниж. Новгород, 2019.
7. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. — М.: Прогресс-Академия, 1994.
8. Раковский Г. День Непримируемости // Новое русское слово. — 1965. — 9 нояб. — С. 3.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. — Париж: YMCA-Press; М.: Рус. путь, 1996.
10. Тимашев Н. С. Сила и слабость России // Новый журнал. —1942. —№ 2. — С. 192–205.
11. Ульянов Н. Исторический опыт России. — Нью-Йорк: тип. Rausen Bros, 1962.
12. Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Вестнике РСХД. — 1929. — № 1–2. — С. 13–21.
13. Щупленков Н. О. Содержание и организация патриотической деятельности в российском зарубежье 1920–1930-х гг.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. —Тамбов, 2014.